

Н. П. Анциферов и «Литературное Наследство».

К истории сотрудничества.

Начало сотрудничества Н. П. Анциферова с редакцией «Литературного Наследства», сравнительно непродолжительного по времени, но значительного по доле и качеству авторского участия в редакционной и комментаторской работе, относится к последним предвоенным годам. Этот период в жизни ученого был отмечен, прежде всего, возвращением из дальневосточной ссылки и поступлением на работу в Государственный Литературный Музей, с которым будут связаны следующие 17 лет жизни Анциферова и в котором до ареста (осенью 1937 г.) он успел поработать около года, в частности, приняв участие в подготовке пушкинской выставки. Кроме того, в эти же годы Анциферов был занят работой над двумя замыслами, посвященными А. И. Герцену – книгой «Вокруг Герцена» и «Летописью жизни и творчества» – ни один из которых не дошел до печати.

Говоря о публикациях ученого, появившихся в томах серии, следует отметить два обстоятельства. Первое: все его «герценовские» публикации обладают внутренним тематическим и идейным единством, а, кроме того, позволяют судить об уровне профессионализма и чуткости автора как историка, архивиста, искусствоведа и редчайшего по трепетности и остроте восприятия публикуемых документов и материалов читателя. И второе: эти публикации стали первыми заметными и крупными печатными публикациями ученого, посвященными Герцену.

Авторское участие Анциферова во второй книге «герценовского» двухтомника «Литературного Наследства» – томе 41-42, вышедшем в 1941 г. – выразилось в подготовке сообщения «Из архива Герцена», включившего публикацию трех документов из собрания Литературного Музея. Комментируя публикуемые документы, Анциферов, основываясь на тексте «Былого и дум», уже опубликованном к тому времени эпистолярном наследии Герцена и воспоминаниях о нем современников,

рассказывает о предыстории того или иного эпизода его биографии, об обстоятельствах жизни его семьи. Так, например, в рассказе о дочери Герцена и ее любовной драме, послужившей причиной болезни, ученому удалось несколькими штрихами воссоздать ее живой облик, рассказать об отношении к ней отца и всей семьи. Причем, совершенно очевиден интерес ученого, прежде всего, к психологической составляющей того или иного сюжета, который превосходит, а вернее сказать, еще и дополняет фактологическую сторону исследования. Второй публикацией в «герценовском» томе стал обзор «Герцен в изобразительном искусстве». В нем подробнейшим образом была охарактеризована иконография Герцена 1830-х – 1860-х гг., а также его посмертные изображения. Главной отличительной чертой этого обзора стали заслуживающие особого внимания описания, или, вернее сказать, вглядывания в каждую из упоминаемых работ, которые выходят за рамки искусствоведческого аналитического подхода, представляя собой размышления ученого над судьбой писателя и его человеческим обликом, запечатленным тем или иным художником.

Одна из публикаций Анциферова, подготовленная до войны – письма к Герцену участников Женевского конгресса Лиги мира и свободы – не была опубликована в «Литературном Наследстве» по политическим мотивам (учитывая характер предвоенных отношений СССР с Германией): в ней присутствовали цитаты, направленные против немцев.

После окончания Великой Отечественной Войны, когда значительная часть богатейшего архивного собрания Русского заграничного исторического архива в Праге, была, по официально принятой формулировке, «передана в дар» Академии Наук СССР правительством Чехословацкой республики, знаменитая «пражская коллекция», содержащая среди прочих материалов, обширный и чрезвычайно разнообразный корпус документов, связанных с жизнью и деятельностью Герцена и Огарева, попала на хранение в государственные архивы. Вскоре она послужила основой для подготовки фундаментального трехтомного издания «Литературного Наследства», которое так и было названо «Герцен и Огарев». К работе над ним редакция вновь пригласила Анциферова. Помимо авторского участия ученого, весомым и, до определенной

степени, незаменимым было его участие в поисковой и организационной работе редакции, в частности, по подбору уникального иллюстративного материала.

В первом томе «герцено-огаревского» трехтомника, а по общему счету – 61-м томе серии, вышедшем в 1953 г., – было напечатано краткое письмо, почти записка Герцена к его младшей дочери Ольге с пояснением, написанным в характерной для Анциферова манере – кратким, но раскрывающим самую суть характера и личности того или иного героя его публикации. Главной же его работой, увидевшей свет в этом томе, стала подборка писем Герцена к ближайшему другу писателя и его семьи – М. К. Рейхель. В этих письмах нашли отражение и события общественной жизни России и Западной Европы, и тяжелейшая духовная травма, нанесенная Герцену гибелью его матери и сына Николая на пароходе «Город Грасс», потерпевшем крушение в ноябре 1851 г., травма, еще более усугубившаяся открывшимся увлечением жены Герцена немецким поэтом и политическим деятелем Г. Гервегом. История этой семейной драмы, долго мучившей и державшей в напряжении родных Герцена и его самого, и впоследствии приведшей к трагическим последствиям, была воспринята и пережита Анциферовым как событие своей собственной жизни. Когда к середине 1950-х гг., наконец, этот сюжет прояснился во всей его подлинности, это послужило для ученого настоящим потрясением.

В следующем, 62-м томе были напечатаны (с предисловиями и комментариями Анциферова) письма к Герцену Г. Н. Вырубова, И. С. Гагарина, И. П. Галахова и А. В. Скалона, с каждым из которых писателя связывал определенный эпизод биографии, порой весьма памятный и продолжительный.

Наиболее значительным авторское участие Анциферова оказалось в заключительной книге трехтомника – 63-м томе. В нем были напечатаны четыре подготовленные ученым публикации и один обзор. Первая из них – переписка Герцена с О. Р. Скарятиной, в прошлом – женой В. Д. Скарятин, редактора газеты «Весть», в 1860 г. порвавшей с мужем, и впоследствии связавшей свою жизнь с кругом революционной эмиграции. Во второй публикации, которую с полным правом можно назвать монографическим архивно-документальным исследованием, была воссоздана

на основании материалов «пражской коллекции», Отдела рукописей ГБЛ, архива Колумбийского университета, судьба жены Герцена, Н. А. Захарьиной. Все эти материалы, собранные воедино, позволяли судить об отношении Герцена и его жены к их прежним московским друзьям, со многими из которых у писателя к тому времени возникли серьезные разногласия, об их реакции на значительные исторические события. Кроме того, они давали повод для размышлений на тему, очень волновавшую Анциферова – соотношение созданных Герценом в «Былом и думах» образов с их реальными прототипами, или «вопрос о герценовском мастерстве литературного портрета», как определял для себя эту проблему сам ученый. Аналогичная и еще более подробная публикация была посвящена Анциферовым и старшей дочери Герцена, Наталье Александровне, Тате, личность и судьба которой была также в центре его интересов и волновала его до последних дней. Ученому удалось проследить ее биографию от рождения и до самых последних дней, особо отмечая и рассказывая попутно о наиболее значимых ее эпизодах, в частности о деятельности Натальи Александровны по собиранию и сохранению наследия Герцена-Огарева и увековечиванию их памяти после ухода из жизни отца и его ближайшего друга и соратника. Дополнили этот очерк и личные воспоминания Анциферова, посетившего дочь Герцена в 1914 г. в Женеве.

Еще две публикации, напечатанные в этом томе, заслуживают быть хотя бы кратко упомянутыми. Это письма сопровождавшей семью Герцена в заграничном путешествии М. Ф. Корш (адресованные М. К. Рейхель и сохранившиеся в архиве последней), свидетельствующие об истории конфликта между Герценом и его московскими друзьями, и обзор «Иконографические и мемориальные материалы “пражской коллекции”». В этом обзоре, ученый рассказал о судьбе богатейшего мемориального собрания, связанного с жизнью писателя, его семьи и литературного окружения, проследил перемещение семейных реликвий по миру и их современное местонахождение, собрал архивные и печатные материалы о других изобразительных и мемориальных материалах, хранящихся в российских и зарубежных собраниях. Таким образом, о судьбе вещей, этих свидетелей времени, названных Анциферовым

«документами герценовского былого» – было рассказано достоверно и увлекательно.

История сотрудничества ученого и редакции отнюдь не была лишена моментов взаимного непонимания, обид и огорчений, но, судя по сохранившимся документальным свидетельствам, в лице Н. П. Анциферова «Литературное Наследство» обрело одного из своих безупречных сотрудников, талантливого организатора исследовательской работы, а главное – человека поразительной духовной цельности и чистоты и неизменных нравственных принципов.